

ТОРГОВЛЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

УРУШАДЗЕ АМИРАН ТАРИЕЛОВИЧ,

*Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южный научный центр РАН
e-mail: urushadze85@mail.ru*

В статье рассматриваются роль, место и значение торговли в политике Российской империи на Северном Кавказе. Анализируется значение торговли с горцами как мирной альтернативы. На основе разнообразных источников, в том числе и архивных, выделены основные этапы развития торговли в регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; меновая торговля; Кавказская война.

The article examines the role and place of trade policy of the Russian Empire in the North Caucasus. The importance of trade with the mountaineers as a peaceful alternative is analyzed. The main stages in the development of trade in the region are highlighted based on a variety of sources, including archives.

Keywords: Northern Caucasus; bartering; Caucasian war.

Коды классификатора JEL: B15, F14, O18.

Экономика Северного Кавказа уже на протяжении длительного времени находится в состоянии кризиса. Кризис региональной экономики, который выражается в таких явлениях как безработица и теневая экономика (Селютин 2010), является составной частью системного кризиса, охватившего национальные республики Юга России. Очевидно, что в условиях нестабильного социально-экономического положения в регионе, говорить об его эффективной и всесторонней мо-

дернизации не приходится. Кроме того, усилия федеральной власти по укреплению административной системы региона (создание СКФО) на фоне неурядиц в экономической и хозяйственной жизни остаются малорезультативными мероприятиями. Несмотря на эффективно и в большом количестве проводящиеся антитеррористические операции, бандитское подполье продолжает регулярно восполнять свои потери. Неблагоприятная экономическая ситуация в республиках Северного Кавказа является важным фактором, толкающим кавказскую молодежь в лоно радикальной идеологии.

В этой связи особую актуальность приобретает рассмотрение места, роли и значения торговли в политике России в период с конца XVIII — до середины XIX вв., в ходе которого империя столкнулась с ожесточенным и организованным сопротивлением горцев Северного Кавказа.

Еще до начала «регулярного», планомерного освоения Кавказа казачьи сообщества имели опыт мирного сосуществования с кавказскими народами. Неотъемлемой частью этих взаимоотношений стал торговый обмен, чья роль не ограничивалось товарооборотом. Базары крепости Терки в XVII в. были местом встречи представителей различных культур. Сюда горские народы пригоняли для продажи скот, лошадей, привозили овчины, сукна, металлические изделия. Гребенские казаки поставляли на обмен соль, рыбу, домашние холсты, овощи, выменивая на них чекмени, бурки, башлыки, арбы, колеса и лошадей¹. В ходе торговой деятельности происходило знакомство горцев, казаков, приезжих купцов.

С началом планомерного освоения северокавказских территорий имперские власти не упускали из виду соображений экономического характера. В 1777 г. в записке Екатерине II об освоении Кавказского края всесильный Г.А. Потемкин отмечал: «...положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество... Сверх

¹ См.: Дон и степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX в. (заселение и хозяйство). Ростов н/Д, 1977. 37. 191–194.

того, открывает способ войти в тамошние горы и жилище осетинское и со временем пользоваться их рудами и минералами»².

Если правительство в конце XVIII в. еще только вынашивало масштабные замыслы экономической экспансии в регионе, то сообщество казаков, как население приграничья, продолжало и расширяло опыт обмена или меновой торговли, которая являлась залогом мирных и даже союзнических отношений с горцами Северного Кавказа. Так, в частности, еще в 90-е гг. XVIII столетия отношения казаков с закубанскими горцами оставались преимущественно мирными. Встречи на берегах Кубани были частыми и не подвергались никакому контролю и регулированию со стороны начальства. Поводом к этим встречам обычно бывало взаимное тяготение к обмену продуктами. В обмен на соль черкесы охотно снабжали казаков зерном, сыром, скотом, птицей, лесом, бурками. Начальники кубанских кордонов докладывали: «... На пограничных стражах донные состоят благополучно и чрезвычайностей никаких не происходило» (*Фадеев 1957*). В связи с этим командование «Черноморского войска» приказывало даже «в рассуждении закубанскими соседями мира и дружбы» распустить находившихся на кордонах пеших казаков, оставив там одну только конную стражу (*Фадеев 1957*).

Развитию торговли на Северном Кавказе способствовали ярмарки, первые из которых были открыты в 1781 г. при Ставропольской и Георгиевской крепостях. Вскоре ярмарки стали обычной формой торговли в Предкавказье. Купечество развивалось на Кавказе медленно. В частности, в 1787 г. после ревизии края императрице Екатерине II сообщали, что «по новости Кавказской губернии... купечества еще мало и оно бедно»³. Империя принимала определенные меры к активизации торговли и купеческой деятельности. В 1800 г. на Северном Кавказе, при городах и укреплениях, составляющих Кавказскую линию, были учреждены меновые дворы⁴. Однако с присоединением Грузии Манифестом 1801 г. российские власти переходят от практики поэтапного

² См.: Дон и степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX вв. (заселение и хозяйство). Ростов-н/Д, 1977. 37. 191–194.

³ См.: Там же.

⁴ См.: История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М. 1988. 81.

развития отношений с народами Северного Кавказа к решительным действиям по «замирению» горцев. Это объясняется желанием коронной администрации иметь надежные коммуникации с присоединенной закавказской территорией.

Наиболее последовательно стратегию силового подчинения народов Северного Кавказа проводили главнокомандующие П.Д. Цицианов (1802–1806 гг.) и А.П. Ермолов (1816–1827 гг.). Однако многочисленные карательные экспедиции, проводимые российской армией для приведения к «покорности хищников», не достигали своей цели, напротив, вели к дальнейшей эскалации конфликта. С этого времени кавказские администраторы часто прибегали к ограничению или запрещению торговли с горцами, стремясь таким образом лишить их важного элемента в обеспечении нормальной жизнедеятельности. Особенно тяжело на горцах сказывались меры по ограничению торговли на Кавказской линии после перехода Черноморского побережья под полный контроль имперской администрации (1829 г.), что было связано с резким уменьшением товарооборота горцев с Турцией. К середине 30-х гг. XIX столетия торговля на Северном Кавказе стала ограничиваться самыми незначительными меновыми операциями⁵. Кавказская администрация позволяла вступать в торговые отношения исключительно с мирными горцами. На кавказские общества, которые были замечены в мятежах и набегах, распространялись, выражаясь современными категориями, экономические санкции. Так, в 1832 г. после того как андийские общества приняли участие в движении первого имама Гази–Магомеда (Кази–Муллы), на Кавказе повсеместно был запрещен ввоз андийских бурок, выделка которых составляла главный промысел андийцев⁶.

Вместе с тем, на Кавказе начинают формироваться иные взгляды на роль и место торговли в крае. На практике отход от применения торговых ограничений в качестве меры по «умиротворению» горцев демонстрировал командующий Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский. Сооружаемые в большом количестве укрепления Раевский рассматривал

⁵ См.: Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Т. 8. Тифлис, 1881. 135–136.

⁶ См.: Там же.

не только, а вернее не столько, как защитные форты от нападения горцев на пограничные заставы на контрабандных путях, но как торговые, культурные центры, где бы дружески настроенные местные жители могли найти помощь и защиту⁷. «Я все принятые системы опровергнул, — писал Раевский адмиралу М.П. Лазареву, — и мое мнение взяло верх; почему мне высочайше разрешено усмирять горцев связями торговыми, а не бесполезными опустошениями»⁸. Раевский одним из первых осознал значение торговли с горцами в качестве средства, обеспечивающего интеграцию народов Кавказа в систему имперского управления и социальных отношений. Торговля в представлении Раевского обладала большим потенциалом в деле сближения обычаев и нравов местных народов с многочисленными переселенцами.

Убеждения Н.Н. Раевского разделяли многие офицеры русской армии и чиновники администрации. Князь, флигель-адъютант Г.Г. Гагарин, принимавший участие в Кавказской войне, в письме к военному министру А.И. Чернышеву, озаглавленном «О соображениях относительно приведения к покорности горских народов на Кавказе обитающих», посвященном выгодам развития торговли, особо отметил, что подобные мысли «многим приходили на ум, но я осмелился их начертать, потому что почитал их основательными» (Гагарин 2004).

Гагарин попытался сформулировать основные положения политики, которая стала бы эффективной альтернативой военным экспедициям. Главным принципом в деле умиротворения Кавказа он считал взаимовыгодность отношений империи и кавказских народов: «При всем недостатке к нам уважения и доверчивости не можем ли мы привязать к себе кавказские племена, заставив их найти собственную очевидную выгоду в нашем владычестве... Необходимо, чтобы выгода, если мы допускаем ее, была взаимная; надо чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании» (Гагарин 2004). По убеждению князя Гагарина достигнуть взаимовыгодных отношений, и вернуть «уважение и доверчивость» кавказцев «можно одною торговлею» (Гагарин 2004).

⁷ См.: Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. 250.

⁸ См.: Там же.

Анализируя содержание письма Г.Г. Гагарина, представляется возможным определить функции торговли на Кавказе, которые были неизмеримо шире сегодняшних представлений о месте и значении торговой деятельности в обществе.

Торговля, по мнению Гагарина и его единомышленников, смогла бы развить в горце дух предприимчивости, а также способствовать расширению его личных контактов, в ходе которых он смог бы получить более верное представление о преимуществах европейской цивилизации. Гагарин, несомненно, являлся противником «барабанного просвещения» и привлекаемых к его распространению «трехгранных доказательств» (штыков). Развитие торговли, по его мысли, должно было заставить горцев забыть об оружии, и обратиться к мирным промыслам.

Развитию торговли и частной инициативы сопутствовало бы уменьшение лихоимства чиновников, иначе говоря, снижение уровня коррупции. Гагарин отмечал: «Когда торговля, основанная с самого начала на необходимых правилах порядка, строгости и предусмотрительности, делается главным местным занятием, влияние настоящих чиновников неминуемо ослабнет. Все спорные вопросы относительно промышленности обсуждались бы и решались в особом торговом судилище, которое при самом учреждении могло быть очищено от безнравственных начал» (*Гагарин 2004*).

Письмо князя Гагарина было доведено до сведения императора Николая I. К сожалению, в Петербурге еще пребывали в уверенности, что завершить Кавказскую войну можно проведя несколько успешных военных экспедиций. Со всей возможной очевидностью полную несостоятельность таких взглядов доказал катастрофический Даргинский поход 1845 г., который не принес империи ничего кроме убитых, раненых, искалеченных солдат и офицеров.

Князь М.С. Воронцов, ставший в 1844 г. кавказским наместником, осознавал гибельность и бесперспективность политики, основанной почти исключительно на применении силы. «Насильственные меры, — отмечал М.С. Воронцов, — не только не принесут добра, но могут иметь очень дурные последствия» (*Эсадзе 1907*). Одним из направлений

многосторонней деятельности Воронцова стала реорганизация меновой торговли на Северном Кавказе. К 1845 г. меновая торговля в регионе не только не получила должного развития, но, напротив, находилась в упадке⁹. Наместник поручил подготовить «соображения» по активизации меновой торговли статскому советнику Швецову. Он уже долгое время служил на Кавказе, и был хорошо знаком с краем¹⁰. При этом Воронцов надеялся на «прочное основание к развитию нашей торговли с горцами»¹¹.

Швецов подготовил проект, который рассматривался на заседании Кавказского комитета — высшего центрального органа в управлении Кавказом — 22 июня 1845 г. В данном проекте отразилось очень многое из того, что писал о роли, месте и последствиях развития торговли Г.Г. Гагарин. «Торговая промышленность» должна была «заставить» горцев сблизиться с российскими обычаями и правовыми нормами. С развитием торговли народы Кавказа «ознакомятся с новыми нуждами», удовлетворение которых позволит преодолеть их «наклонность к грабежу», а также оценят новые пути к жизни в достатке и благоустройстве. Итогом реорганизации торговли на подобных началах Швецову виделась существенная общая польза, взаимное доверие, миролюбивая жизнь горцев¹².

Конкретные меры, которые предлагались для реформирования меновой торговли на Северном Кавказе состояли в следующем:

Торговля строилась на свободных отношениях между горцами и русскими купцами, промышленниками и не подвергалась административному регулированию.

Пункты меновой торговли располагались в непосредственной близости от городов и укреплений Кавказской линии, т.е. непосредственно в приграничных (фронтирных) территориях, легкодоступных для кавказских жителей.

Несмотря на опасения развития фактов контрабанды, которые на заседании Кавказского комитета озвучили министры финансов и вну-

⁹ См.: Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф.1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 192.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Там же.

тренних дел¹³, проект Швецова был одобрен. Меновые дворы были учреждены в Кизляре, станицах Червленной и Наурской, Моздоке, станице Прохладенской, Пятигорске, станице Баталпашинской, Прочном окопе, Усть-Лабинске и Екатеринодаре. Горцы привозили на меновые дворы лес, медь, воск, бурки, войлок, самодельное сукно, конские уборы, масло, сало, лошадей, мелкий скот. Продуктами обмена русских купцов и промышленников являлись сафьян, холст, платки, шелковая и бумажная материя низкой цены, ножницы, зеркала.

В 1847 г. действие «Положения о меновой торговле с горцами» было распространено и на земли Черноморского казачьего войска. При этом пункты меновой торговли были учреждены непосредственно на кордонной линии, но купечеству было позволено торговать и за пределами Черноморской кордонной линии, на землях черкесских племен¹⁴. Русские купцы охотно пользовались этой возможностью. Ставропольские купцы Цырульников и Бабаев оставили свой торг на Прочноокопском меновом дворе и стали вести торговлю за Кубанью. Среди русских купцов, торговавших с горскими народами, широкой известностью пользовался купец 3-й гильдии Иван Лебедев, который за 24-летний период вошел в «совершенную доверенность» к местным жителям и «вел обширный круг торговли, преимущественно с горцами», имел лучшую гостиницу, первые лавки во Владикавказе, Назрани и на Сунже. Кроме того торговлю вели моздокский купец Антон Никитин, балашовский купец Иван Никонов¹⁵.

В ходе торговых операций русские и горцы вступали в отношения, которые были много содержательнее обычного товарообмена. Жизнь и быт местных жителей, вступавших в мирные контакты с переселенцами, претерпевали изменения. Этим горцам, как писал в октябре 1850 г. начальник Черноморской Кордонной линии генерал Рашпиль: «...трудно теперь стать в уровень с теми горцами, которые незнакомы ни с какими удобствами жизни» (Покровский 1956, 16).

¹³ См.: Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 192.

¹⁴ См.: Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 11. Л. 411.

¹⁵ См.: Дон и степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX вв. (заселение и хозяйство). Ростов н/Д, 1977. 37. 191–194.

Значение торговли в политике Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX вв. менялось. Эти изменения, можно представить, выделив три различных этапа:

Стихийный этап. 1770–1801 гг. Торговля между горцами и новопоселенцами развивается как разновидность соседской взаимопомощи при поддержке кавказской администрации.

Регулярный (закрытый) этап. 1802–1845 гг. Имперская администрация переходит к систематическому введению торговых санкций в отношении горских обществ. Торговля рассматривается как дополнительная возможность для применения репрессивных мер, дисциплинирующий ресурс.

Регулярный (открытый) этап. 1846–1854 гг. Торговля видится вариантом межкультурного диалога, как способ приобщения горцев к понятиям и традициям европейской цивилизации.

Военные неудачи, претерпеваемые Россией в ходе Кавказской войны, заставляли империю искать иные методы «замирения» Кавказа. Развитие торговли на Северном Кавказе позволило коронной администрации продемонстрировать кавказским народам реальную альтернативу тяготам и бедствиям войны. Торговые отношения наряду с образовательной политикой стали на Кавказе одним из проводников повышения этнической и социальной валентности населения.

ЛИТЕРАТУРА

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Т. 8. Тифлис, 1881. 135–136.

Гагарин Г.Г. (2004). Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании // *Исторический архив*. № 1. 211–214.

Дон и степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX вв. (заселение и хозяйство). Ростов-н/Д, 1977. 37. 191–194.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М. 1988. 81.

Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. 250.

Покровский М.В. (1956). Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX вв. и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. М.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 11. Л. 411.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 192.

Селютин В.В. (2010). Теневая экономика: экономические и социальные детерминанты и последствия // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 143–155.

Фадеев А.В. (1957). Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М. 31–41.

Эсадзе С. (1907). Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис, 89.